

Реализация концепта пути-дороги в романе Исая Калистратовича Калашникова «Жестокий век»

Шульгин Е.А.

русский язык и литература

9 класс, МОУ «Турунтаевская районная гимназия» Прибайкальский район, Республика Бурятия

Научный руководитель: Шульгина О.А., МОУ «Турунтаевская районная гимназия» Прибайкальский район, Республика Бурятия

Дорога — это древний образ-символ. Дорога символизирует жизнь в ее развитии. Мотив дороги имеет давнюю традицию в бурятской литературе. Традиция эта начинается с национального героического эпоса «Гэсэр». Дорога в романе И.К. Калашникова является неразрывным звеном в композиции всего произведения. Её мотив прослеживается на протяжении всего романа.

Образ дороги встречается в творчестве многих писателей-классиков: Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова и других писателей.

Нами же выбран анализ данного образа в творчестве И.К. Калашникова неслучайно: именно в исследуемом романе писателя концепт дороги включает в себе большой идейный потенциал и выражает различные чувства и их оттенки героев. Все это и определяет **актуальность** данной темы.

Цель работы – выявить различные оттенки концепта дороги в романе «Жестокий век», представить их роль в раскрытии тем и идейной направленности произведения.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- подробно познакомиться с романом И.К. Калашникова «Жестокий век»;
- выявить многообразие значений понятия «дорога» в романе;
- изучить научно-критическую и методическую литературу по теме исследования;
- охарактеризовать роль дороги в раскрытии идеи романа.

В работе применяются **методы** историко-культурного, литературного, проблемного анализа, также **принципы** научности, историчности, последовательности.

Данная исследовательская работа может представлять интерес, прежде всего, для старшеклассников, а также быть полезной тем читателям, которые занимаются изучением творчества бурятских писателей.

I. Основная часть

1. Знаменитый роман известного бурятского писателя Исая Калистратовича Калашникова «Жестокий век» вышел в свет в 1978 году и сразу стал бестселлером. Роман посвящен теме монгольского средневековья, в центре романа образ

монгольского повелителя и великого полководца Чингисхана. Писателем была проделана огромная предварительная работа по собиранию материала о жизни монгольских кочевников XIII века. Основным источником для создания романа стал уникальный памятник древности народов Центральной Азии «Сокровенное сказание монголов». Исследователи отмечают, что при написании данного романа наиболее полно раскрылся «художнический» и «исследовательский» талант Исаея Калашникова. Яркая авторская индивидуальность Исаея Калашникова, прочувствовавшего летописный памятник «Сокровенное сказание монголов», и его уникальный талант помогли автору воссоздать ту далекую от нас эпоху. Произведение объемом 55 авторских листов, или 800 страниц печатного текста, И.К. Калашников писал 10 лет, переделывал и переписывал 6 раз!».

И.К. Калашников так достоверно описал историческую эпоху и национальный облик героев, что возникает ощущение, что роман написан очевидцем тех событий. Александра Васильева, кандидат филологических наук пишет «И. Калашников показал сложнейшую психологическую историю жизни героя, в которой из мальчика, наблюдающего жестокие выходки взрослых, из честолюбивого юноши, закалившегося в унижениях рабства и лишениях гонимого, выростала, формировалась личность человека, потрясшего в свое время Вселенную». Она же отмечает, что Исай Калашников – «это этнограф, великолепно знающий уникальную материальную культуру - быт, костюм, природную среду и образ жизни монгольского мира». В романе большое количество героев, но каждый характер тщательно выписан Калашниковым. Писатель сумел понять и прочувствовать образ каждого персонажа. Каждый герой интересен и запоминаем[8].

Роман «Жестокий век» называют философским. В нем отразились мысли писателя о вечных нравственных ценностях и идеи гуманизма. Александра Васильева подчеркивает, что И. Калашников - «это философ, чьи мысли, раздумья о жизни, о человеке отстоялись в афористичный стиль всех его крупных произведений». Уникален язык романа. И.К. Калашников сумел сохранить богатство и выразительность языка первоисточника. Ш-Н.Р. Цыденжапов в своих исторических очерках пишет о неизвестном авторе «Сокровенного сказания»: «Автор, являясь одаренным мастером художественного слова, используя богатые выразительные средства родного языка, сумел создать правдивый и яркий образ Чингисхана». Эту же характеристику можно отнести и к Исаю Калашникову. О выразительности и афористичности языка «Жестокого века» говорится и в диссертации по теме "Концепция исторической личности в романах "Чингиз-Хан" В. Яна и "Жестокий век" И. Калашникова": «В романах мы встречаем умелую стилизацию эпохи XIII века, образный красочный язык, введение в текст

документальных источников и их цитацию, характерную для монгольских летописей стихотворную форму монологов. Сама поэтика обоих романов близка к "Сокровенному сказанию монголов" с афористичностью и поэтичностью его языка».

2. Обратимся к концепту дороги в романе. Мотив дороги – пути традиционен для русской и бурятской культуры. Издавна наши предки дороге придавали большое значение, считая, что именно она является «путеводной звездой» в жизни человека.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова даются несколько определений слову «дорога»:

1. Полоса земли, предназначенная для продвижения, путь сообщения.
2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования.
3. Путешествие, пребывание в пути.
4. (перен.) Образ действий, направление деятельности [3].

Лейтмотивом, организующим роман, является дорога, путешествия, поездки героев. Для них чрезвычайно важна метафора человеческой жизни как дороги, пути с неожиданными встречами.

«Лошадь замедлила бег. Оэлун оглянулась. Есугей остался далеко позади – темная точка на белом снегу. Если бы так вот можно было умчаться от своей судьбы» [5].

В фольклоре бурятского народа есть немало пословиц, поговорок, обращенных к образу дороги: «Непроторенная дорога опасной выглядит. Незнакомый человек сердитым кажется», «В дороге надейся на коня, когда трудность настигнет, надейся на своего друга», «Чем мёрзнуть в дороге, лучше сгибаться под ношей».

В романе «Жестокий век» найдем примеры употребления пословиц, обращенных к образу дороги: «Можно потерять шапку, вернуться с полдороги и подобрать. Но не счастье...», «Неразумно, имея коня, в дальний путь отправляться пешком», «Дело мужчины - выбирать дорогу. Дело женщины – следовать за ним», «Каждый хочет быть всадником, но никто лошадю», «Телега легко катится, пока все колеса на месте. Убери хотя бы одно – стоять ей на месте». [5].

На страницах романа мы можем прочесть стихи знаменитых поэтов Китая Тао Юань-мина (V век) и Ду Фу (VIII век), связанных с темой нашего исследования:

Иду за сохой –

Я рад весенним работам.

Довольной улыбкой

В крестьян я вселяю бодрость...

* * *

... Вина и мяса слышен запах сытный,

А на дороге кости мертвецов...

Итак, концепт пути-дороги является одним из ведущих в романе И. Калашникова.

3. Рассмотрим тематическое многообразие образа дороги в романе.

Дорога выступает частью пейзажа, герои испытывают разные эмоции от окружающего мира:

«Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь. Над выжженной зноем степью висело горячее солнце... Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата – ее свадебного наряда...».

«Наступила осень. По утрам на траву ложилась уже не искристая роса, а колючая седая изморозь... Горы и леса угнетали Оэлун, мир казался ей темным, мрачным, таящим в себе немую угрозу...».

«Вот уже несколько дней они идут вниз по Селенге... Горы здесь подступают прямо к реке, местами скалистые кручи обрываются у самой воды. Над заводами свисают кусты черемухи с багряными увядающими листьями... Здесь родина его предков. Чего ему бояться на земле прадедов?...».

«В стороне от куреня, у родника, выбегающего из леса, стояла одинокая юрта. Тайчи-Кури направился к ней. Он был бос, и ступни ног, привыкшие за зиму к обуви, покалывала сухая трава, но чего же было хорошо идти вот так, ощущая подошвами траву и прохладу сырой земли...»

Возникает образ путника, ищущего своего места, предназначения в этом мире, и слышится мотив одиночества:

«Зимовал Джамуха в верховьях Онона, всего в полутора-двух днях пути от Тэмуджина. Он много и удачно охотился, радуясь вновь обретенному чувству независимости. Но и на охотничьих пирах в лесной глуши, и в юрте, слушая древние сказания и тоскующие звуки хура, он не забывал о Тэмуджине. Все надеялся, что анда спохватится, приедет к нему. Но зима прошла, и ни сам анда, ни его люди не посетили курень Джамухи. Остаться и дальше в этих местах не было никакого смысла».

Дорога всегда зовет героя:

« - Нет, - Чиледу покачал головой. – Возможно, я когда-нибудь и вернусь сюда. Но сейчас... У меня там есть неоконченные дела».

В основе философского осмысления дороги в романе — метафора: дорога — жизненный путь человека, который не всегда прям и гладок.

«Время – необузданный скакун. Оно мчится, и невозможно натянуть поводья, остановить его бег».

« - Потом... - отмахнулся Тайчу-Кури. – Хан ел, что хотел, я – что давали, он делал, что хотел, я – что велели. И били-колотили меня сама знаешь как. Почему же я крепче оказался? Хан не слезал с коня, а я топал ногами по матери-земле. От земли моя сила...».

- Дорога выступает как соединяющее звено между жизнью и смертью:

«Седлая лошадь, он затылком чувствовал их взгляды. Если они хотят его убить, сейчас самый подходящий момент: стрела в спину – и все. Затянув подпруги, вскочил на коня. Теперь уже легче. Но татары стоят и, по всему видно, не собираются нападать. Он попрощался, поехал. Сейчас тоже очень удобно выстрелить в спину, его так и подмывало броситься отсюда вскачь. Но он не хотел показать своего страха, ехал пешком, не оглядывался. Расстояние между ним и татарами увеличивалось, теперь он для стрелы недосыгаем, теперь можно и подхлестнуть лошадь...».

- Дорога как спасение:

«Выскочил на возвышенность, нырнул в березовый лесок, чуть перевел дух. Но всадники были уже недалеко, снова послышался стук копыт. Он побежал в гору. Дышал хрипло, со свистом, как загнанная лошадь. Преследователи рассыпались и, словно загонщики на облаве, ехали цепью, не теряя друг друга из виду, изредка переговариваясь. По голосам он определял, где они находятся, и то приостанавливался, чтобы отдышаться, то снова бежал. Лес становился гуще ... Голосов больше не слышал. Или преследователи отклонились в сторону, или вернулись...».

- Образ дороги связан с образом матери, к которой так трепетно относится главный герой романа:

«Время было уже далеко за полдень, когда подъехали к юрте. Их встретила мать и Хоахчин. Мать, оглядев сыновей, улыбнулась. Тэмуджин знал, как она боится за него, но никогда не говорит о своем страхе, только каждый раз, провожая на охоту, с тревогой смотрит вслед. Она почти не интересуется добычей, в первую очередь оглядит их с ног до головы – живы, здоровы? – улыбнется так же вот, как сейчас, и уйдет в юрту готовить обед».

– Дорога – это возвращение человека в родные места:

«Чиледу смотрел на другой берег реки. Там на пологой сопке высился полосатый шатер, охваченный полукольцом юрт – белых, черных, серых. Над шатром трепыхался туг – хвост яка – на длинном шесте. Вот он и дома».

Дорога — это «карнавальное пространство» (термин М. Бахтина), готовящее неожиданные, непредсказуемые встречи [1]:

- друга

«Пока Чиледу осматривался, у него снова возникло ощущение, что за ним следят, и он до звона в ушах вслушивался в шорохи леса, но ничего подозрительного обнаружить не мог. Вскоре подъехал Тайр-Усун с шестью нукерами, и Чиледу успокоился».

-путника

«Голод, усталость притупили чувство страха. Он вышел на край леса. Отсюда, от подножия горы, видна была равнина с одинокой юртой. Возле юрты не заметил ни людей, ни лошадей. Может быть, Аучу-багатур со своим нукерами убрался восвояси? Постояв, раздумывая, и с оглядкой направился вниз. Но ушел недалеко. От реки мчались, отрезая путь в лес, пять всадников...».

-всадника

«Нукеры схватились за оружие, но воин, что шел к ним, поднял руку. И сразу же из леса со свистом прилетели две стрелы, словно ножом пересекли натянутые ремни шатра, и он осел на землю. Тайр-Усун снял с пояса саблю и бросил себе под ноги. Вслед за ним то же сделали все нукеры. Воин подобрал оружие, сложил в кучу, поднял лук над головой. Из леса выехал всадник на гнедом коне, за ним высыпали шесть человек пеших. Всадник был совсем юный, почти мальчик...».

-будущую жену

« - Ну? – смеялся Есугей.- Не успеешь глазом моргнуть, как три таких стрелы пробьют твое горло. Теперь слушай дальше. Нам не нужна твоя никчемная жизнь. Садись на коня и убирайся. Девушка вместе с повозкой пусть остается».

-врага

«Но всадники, слышавшие ржание его коня, были настороже. Заметили. Бросились через реку, закричали. Он вскочил на коня, оглянулся. Из леса на берег Уды выскакивали новые всадники. Сколько же их – тысяча, две, три? Стрела просвистела над его головой, ударила впереди в сосну, отцепив от ствола кусок коры. Лошадь прянула в сторону. Вторая стрела ударила его в бок. Чиледу соскочил на землю, побежал в гору, сквозь прозрачный березняк. Всадники настигли его, чем-то тяжелым ударили по голове».

М. М. Бахтин так пишет о пересекающихся дорогах, хранящих следы разных человеческих судеб: «На дороге («большой дороге») пересекаются в одной временной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей - представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы... Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «Жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический путь» и проч.; метафоризация дороги разнообразна и многопланова» [1].

В применении к судьбе главного героя – Тэмуджина-Чингисхана – концепт дороги выполняет разные функции: это и описание конкретной дороги, и поворот в

судьбе, и возможность переосмыслить жизненные ценности. Отец Тэмуджина узнает о рождении сына после удачного похода на татар, свое имя герой получает в честь пленного багатура Тэмуджина-Угэ. Да, пленный – враг, но он отважный человек, и сын Егугея достоин носить его имя. За своей невестой Борте Тэмуджин едет в курень хунгиратов. Чингасхан прославился как полководец, организовывавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу. Умер основатель и первый великий хан Монгольской империи в походе на Тангутское государство.

Подводя итог исследованию, связанному с функционированием концепта пути-дороги в романе, отметим, что его реализация опирается на фольклорно-мифологические представления, которые органично включены автором в рамки конкретно-исторических и природных параметров, что позволяет отразить основные установки сознания и ментальной картины монголов.

Итак, обратившись к истории и культуре народа, проанализировав роман И.К. Калашникова, приходим к выводу, что путь – дорога в жизни человека представляет собой достаточно многообразное начало: это способ существования в жизненном пространстве, это часть пейзажа, это символ судьбы, предназначения человека и т. д.

4. С презентацией своей исследовательской работы я выступал перед старшеклассниками нашей гимназии. Перед публичной защитой я задал вопрос: «С чем у вас ассоциируется образ дороги?». Из присутствующих 45 учащихся подавляющее большинство ответили, что дорога – это то же самое, что тропинка, шоссе, тротуар, магистраль, по которым можно передвигаться, бегать, ходить либо путь куда-то, например, домой, к бабушке, в школу и т.д. Мы наблюдаем в значении слова «дорога» однообразные определения в ответах моих одноклассников.

Взрослые люди рассматривают слово «дорога» со всех позиций: философской (бытие, место и назначение человека в жизни), бытовой (путь перемещения), нравственной (дорога к себе).

На второй вопрос «Может ли человек изменить predetermined ему дорогу?» мнение опрошенных было практически одинаковым. Да, человек может изменить свою судьбу, построив свою жизнь по нужной ему траектории.

II. Заключение

Дорога в романе И.К. Калашникова «Жестокий век» - это не просто место, предназначенное для передвижения. Дорога – это жизненное перепутье, метафора судьбы и жизни. Благодаря мастерству писателя, образ дороги конкретного героя

разрастается до масштабов пути человечества, порождая сопереживание и множество ассоциаций.

Следующий элемент в разработке указанного мотива заключен в использовании параллелизма: дорожный пейзаж часто созвучен настроению героев, является знаковым элементом сюжета, предупреждающим о грядущих переменах в судьбе.

Наконец, дорога в романе - неоднозначный образ. Она многопланова, рождает множество читательских интерпретаций, так как автор усматривал разные воплощения: дорога как символ жизненного пути, распутья, антитеза дом — дорога.

Концепт дороги помогает нам понять и глубоко осмыслить идейно — художественную основу романа.

«Людей гораздо больше объединяет, чем разъединяет»,— сказал в одной беседе Исая Калашников. Подтверждение его мудрой мысли — его книги, объединяющие людей, заставляющие задуматься нас о себе, о времени, о своих поступках.

III. Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М., 1990
2. Беспалова О. Е. Содержание концепта путь / дорога по данным лексикографического исследования // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 17. – С. 30–32.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка В четырех томах. Том I.- М.: Русский язык-Медиа, 2006.
4. Ипполитов О. О. Концепт «Путь-дорога» в русской концептосфере // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 269–271.
5. Калашников И.К. Жестокий век//Сочинения в трех томах. III том.-Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2003
6. Сокровенное сказание монголов. – Донецк, Издательство Сталкер, 2001
7. Черепанова О. А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. СПб., 1999. С. 29–34.
8. Диссертация по теме "Концепция исторической личности в романах "Чингиз-Хан" В. Яна и "Жестокий век" И. Калашникова"